

РАССКАЗЫ

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Было двенадцатое ноября. Холода уже наступили, но снег ещё не выпал.

Последний раз осмотрев больную жену Вели хана, врач заявил, что здоровье её окрепло, и через неделю можно ехать.

Хан, у которого были срочные дела в Ираване, очень спешил. Кроме того, он боялся, как бы наступившие холода не задержали переезда больной.

Хан взял перо и написал в Ираван своему другу Джафар аге коротенькое письмо:

«Милый мой! Я собираюсь через неделю выехать с семьёй в Ираван. Везу больную жену, поэтому очень и очень прошу тебя – загляни в мою квартиру, прикажи проветрить комнаты, разостлать ковры и протопить печи. Ответ сообщи по телеграфу. Все твои поручения я выполнил. До скорого свидания!

Твой друг Вели хан».

Хан вложил письмо в конверт, наклеил марку, надписал адрес и хотел позвать слугу, чтобы тот отнёс письмо на почту, но вспомнил, что отправил слугу по другому делу.

В этот момент постучали в ворота; хан вышел

во двор и увидел крестьянина Новрузали из селения Иткапан.

Новрузали частенько навещал хана, и не было случая, чтобы не привозил с собой каких-нибудь продуктов: муку, домашнюю лапшу, мёд, масло. И на этот раз он явился не с пустыми руками.

Увидев хана, он приставил палку к стене и стал открывать вторую половину ворот. Затем, покрикивая: «Чош, чош!» – ввёл во двор нагруженного ослика и стал снимать с него мешки и пищавших цыплят.

Поставив мешки у стены, он поднял глаза на хана и низким поклоном приветствовал его.

– Послушай, Новрузали, ну зачем ты беспокоился? – сказал хан, отвечая на приветствие.

– Что ты, хан! Какое же это беспокойство? Я твой слуга до самой смерти, – ответил тот, стряхивая с себя пыль.

«Не поручить ли Новрузали, отнести письмо на почту?» – подумал хан.

Был уже полдень, и почту должны были скоро отправить.

– Новрузали, ты знаешь, где почта? – спросил хан.

– Откуда мне, мужику, знать про пошт, хан? – ответил Новрузали.

– Ну, тогда, может, знаешь, где помещается управление начальника?

– Знаю, хан, как не знать. Ещё на прошлой неделе

Пьеса «Мертвецы» на сцене Азербайджанского государственного академического национального драматического театра

я приезжал к начальнику с жалобой на старшину. Клянусь твоей головой, хан, сильно притесняет нас старшина... И то сказать, человек он пришлый, недолгоблудит нас. На прошлой неделе пропали у меня двое телят, я и пошёл...

– Погоди, об этом после расскажешь, а сейчас слушай, что я тебе скажу. Как раз напротив управления начальника стоит большой дом, у дверей этого дома, на стене, висит ящик. Это почтовый ящик; у него маленькая, длинная крышка... Так вот, беги туда с этим письмом, подними крышку, опусти письмо в ящик и быстренько возвращайся.

Новрузали робко взял обеими руками письмо, оглядел его, поднял глаза на хана, затем, отойдя к стене, наклонился, собираясь положить письмо на землю.

– Не клади туда, – крикнул хан, – запачкаешь! Беги скорей, опусти в ящик и возвращайся.

– Дорогой хан, позволь только повесить на голову осла мешок с овсом. Ведь какой путь он прошёл, устал, проголодался.

– Нет, нет! Ничего с твоим ослом не случится! Письмо запоздает... После успеешь покормить.

– Тогда позволь хоть привязать его за ногу, а то он обгрызает кору на деревьях.

– Нет, нет, после. Сейчас беги! Скорее опусти письмо!..

Новрузали бережно положил письмо за пазуху.

– Хан, – сказал он, – цыплята связаны. Позволь развязать их и накормить. Корм я прихватил с собой.

И он полез в карман за кормом, но хан остановил его:

– Брось, брось всё это, скорее беги с письмом...

Новрузали взял палку и вприпрыжку, как ребёнок, побежал к воротам. Вдруг, вспомнив что-то, он остановился и обернулся к хану.

– Ой, хан, милый! Там в платке яйца, следи за ослом, а то ляжет и раздавит их.

Хан начал терять терпение.

– Хватит тебе болтать!.. Беги, не то опоздаешь!

Новрузали побежал.

– Новрузали! – крикнул хан ему вслед. – Смотри, никому не отдавай и не показывай письма, опусти в ящик и живо возвращайся.

– Что я, ребёнок, что ли, – ответил на ходу Новрузали, – за кого ты меня принимаешь? Сам начальник не отнимет у меня письма! – и скрылся за углом.

Хан вернулся в комнату.

– Ну, свет моих очей, готовься к отъезду, – ласково сказал он жене. – Я написал в Ираван, чтобы квартиру привели в порядок. Благодарение Аллаху, здоровье у тебя улучшилось... Наконец-то можем ехать. И врач находит, что перемена климата поможет тебе.

Пока хан беседовал с женой о поездке, вернулся слуга и доложил:

– Хан, там чей-то осёл и мешки.

– Убери мешки. Это привёз нам Новрузали из Иткапана, – ответил хан.

Слуга отнёс цыплят и яйца на кухню, а осла отвёл в конюшню. Затем развязал мешок, взял щепотку муки и принёс показать хану.

– Хорошая, хан, мука, белая...

Тот посмотрел на муку и велел подавать обед.

Только после обеда, который длился два часа, Вели хан вспомнил о Новрузали. Он позвал слугу. Оказалось, что Новрузали ещё не возвращался.

Хан удивился, но решил, что Новрузали, очевидно, опустил письмо и отправился на базар купить хлеба и поесть, или сделать покупки для дома.

Прошёл ещё час. Новрузали всё не было.

Тогда хан послал слугу на почту узнать, куда запропастился Новрузали. Не прошло и получаса, как тот возвратился и сообщил, что Новрузали нигде не видно.

Хан вышел на террасу и закурил папиросу.

«Должно быть, беда с Новрузали приключилась, иначе он бы не задержался так долго», – думал хан, прохаживаясь.

В это время во двор вошёл полицейский.

– Пристав просит вас пожаловать к нему и поручиться за вашего крестьянина, не то его отправят в тюрьму, – сказал он хану.

Это сообщение ошеломило хана. Минуту он молча смотрел на полицейского, не зная, что сказать.

– Этот крестьянин – безобиднейший человек, – проговорил наконец хан. – За что его арестовали?

– Я ничего не знаю, – ответил полицейский. – Пожалуйте в управление, там вам объяснят.

Быстро одевшись и ничего не сказав жене, чтобы зря её не волновать, хан отправился в полицейское управление. Проходя мимо помещения с арестованными, он заглянул в окно и среди других арестантов увидел беднягу Новрузали, который забился в угол и плакал, как ребёнок, вытирая слёзы полою чохи.

Узнав от пристава подробности дела и поручившись за Новрузали, хан повёл его к себе домой.

Войдя во двор, Новрузали первым делом нацепил на голову осла мешок с овсом, затем присел у стены и принялся плакать. Хан прошёл в комнату, закурил папиросу и, выйдя на террасу, позвал крестьянина.

– Ну, Новрузали! Расскажи теперь, что с тобой приключилось. Это очень забавная история! О ней можно книгу написать. Рассказывай подробно, от начала до конца!.. Ничего не пропускай. Начни с того, как ты ушёл отсюда с письмом и как потом попал в полицию...

Новрузали встал, подошёл к хану и, вытирая слёзы ладонью, начал рассказывать:

– Умоляю тебя, хан, прости меня, ради детей твоих! Я ни в чём не виноват. Я бедный крестьянин. Откуда мне знать, что такое письмо, или ящик, или пошт? Молю тебя, пожалей, не губи. Если останусь жив, отблагодарю тебя за всё. Согрешил я, правда, но что же делать! Видно, уж такова воля Аллаха! До самой смерти буду твоим рабом...

С этими словами он подошёл к хану ещё ближе и нагнулся, чтобы поцеловать его ногу.

– Не огорчайся, Новрузали! Я ни в чём не упрекаю тебя. Да и что ты сделал мне дурного, чтобы я сердился на тебя?

– Хан, умоляю тебя! Что я мог сделать ещё хуже? Этот гяур, сын гяура, взял твоё письмо, положил в карман и унёс.

– Какой гяур?

– Да тот русский, сын гяура.

– Куда же он унёс письмо?

– А в тот самый большой дом, что с ящиком на стене. Прямо в этот дом и вошёл.

Хан задумался.

– А разве ты не опустил письмо в ящик?

– Как не опустил! Только я опустил письмо, как появился вдруг этот гяур, каким-то образом открыл ящик, взял письмо и ушёл.

– А в ящике разве не было других писем?

– Как не было! Было много писем, он все и забрал...

Хан расхохотался.

– Нет, Новрузали! Расскажи-ка всё подробно, от начала до конца: как ты отнёс письмо, как опустил его в ящик и как подрался с этим русским.

– Дорогой хан! – начал Новрузали. – Взял я твоё письмо и прямёхонько отправился к канцелярии начальника. Нашёл тот самый дом, о котором ты рассказывал. Подошёл и поднял крышку ящика на стене. Хотел опустить письмо, но не решился.

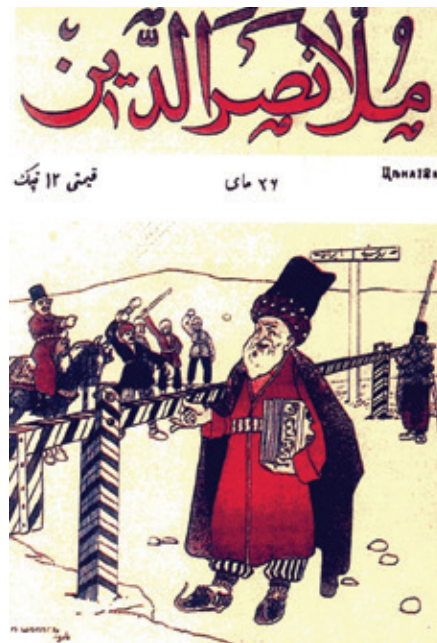
Взглянул на письмо, на ящик, задумался, – прогнать тебя страшно. Стою и не знаю: бросить письмо в ящик или нет. Запомнил, как быть после того, как опущу письмо в ящик – вернуться обратно, или стоять там дальше. Подумал: если опустить письмо и дожидаться, то до каких же пор? Ведь сам ты видел, хан, что я оставил во дворе голодного осла, связанных цыплят, мешки с мукой. Они до сих пор ещё там; позволь, хан, позвать слугу и перенести мешки в дом, а то пойдёт дождь, намочит муку.

– Оставь, Новрузали, без тебя всё сделают. Рассказывай, что было дальше.

– Не решился я опустить письмо. Закрыв крышку ящика, отошёл, стою в стороне. Хотел было вернуться, переспросить тебя. Но, говоря по правде, испугался твоего гнева. Боялся, что ты подумаешь обо мне: «Экое животное этот Новрузали, какой ишак!» Ну, присел я на корточки у стены отдохнуть немного. Вдруг смотрю какой-то мальчик, вот такой, лет двенадцати-тринадцати, идёт прямо к ящику, поднимает крышку и бросает туда письмо, похожее на твоё. Закрыв крышку и ушёл. Сколько я ни звал этого бессовестного мальчишку, сколько ни спрашивал, как же он оставляет письмо и уходит, он ничего не ответил... Не понял меня, что ли, даже не оглянулся. Не успел отойти мальчик, как быстро подбежала русская женщина, тоже опустила письмо и ушла. Тогда я осмелел, думаю: видно, письма и должны остаться в ящике. И так расхрабрившись, что, прочитав молитву, смело подошёл к ящику, поднял крышку и опустил письмо. Повернулся, чтобы идти назад. Но в это время к ящику подошёл какой-то русский. Сначала я подумал, что он тоже хочет опустить письмо, но, смотрю, нет! У плута совсем другие намерения: он запустил правую руку в ящик. Тут я смекнул, что каналья хочет утащить письма... Прости меня, хан, я надеюсь тебе болтовнёй... Прикажи слуге отпустить меня, уже поздно, не успею к вечеру домой.

– Да куда я отпущу тебя? Рассказывай дальше!

– Хан, пусть мои дети-сироты будут принесены в жертву ради твоего блага! Чтоб мне ни дня не прожить без тебя! Да... вижу, этот плут, не стесняюсь, выгребает письма из ящика. Потом закрывает ящик и хочет улизнуть. Тут я подскочил к нему, схватил за руку и говорю: «Ты куда это, голубчик, тащишь письма? Люди оставили их здесь не для того, чтобы ты уносил: сейчас же без всяких разговоров положи их на место, не то!.. Новрузали ещё не умер, не позволит, чтобы ты украл письмо его

Титульные листы журнала «Молла Насреддин»

господина. Нехорошо поступаешь. Зачем тянуться к чужому добру? Разве в вашем шариате воровство не считается грехом?..» Хан, прошу тебя! Отпусти меня, а то уже поздно, темнеет.

– Да не спеши, успеешь. Рассказывай, что было дальше...

– Да... на чём же я остановился? Да... Эй, эй! Держи, держи! Осёл переломает виноградники...

Новрузали кинулся было к ослу, но хан удержал его.

– Так на чём я остановился? Да... Как ни уговаривал я его, как ни просил, ни умолял, как ни уверял, что хан убьёт меня, как ни требовал, чтобы он вернул хоть письмо хана, упёрся, проклятый, ни за что не хочет отдавать... Вижу: решил он убежать с письмами. Гнев ударил мне в голову. Схватил я гяура за плечи и так грохнул о землю, что у него кровь изо рта пошла. Бросились на меня люди из канцелярии начальника, стали избивать, потом потащили в тюрьму. Чтоб мне погибнуть у твоих ног! Не миновать бы мне Сибири, если б ты не заступился. В тюрьме ещё несколько арестованных были, они мне сказали, что я избил русского чиновника. Ну, а что мне было делать?! Суди сам, виноват ли я...

Хан долго смеялся, долго и раскатисто хохотал. Было уже темно.

Новрузали, голодный, кинул пустые мешки на голодного осла, и, погоняя его кизиловой палкой, поплёлся обратно домой.

На третий день хан получил из Иравана теле-

грамму: «Письмо получил. Квартира готова». Хан собрался и уехал в Ираван.

Через полтора месяца Новрузали вызвали в суд и за оскорбление государственного чиновника при исполнении служебных обязанностей приговорили к трём месяцам тюремного заключения. Своей вины Новрузали не признал. Прошёл ещё месяц, и это известие дошло до Иравана. Узнав о происшедшем, хан немного призадумался...

ЛЁД

Мне было лет четырнадцать или чуть больше, когда захворала моя тётка. К ней пригласили врача Гаджи Мирзу Саттара. Я решил, что тётка больна не очень тяжело. И сделал я такой вывод вот почему.

В те времена, то есть лет сорок тому назад, в нашем городе практиковали два врача из мусульман: Гаджи Мирза Саттар и Машади Нурмамед. Слыли они мусульманскими врачами не потому, что были мусульманами. Их называли так потому, что медицинское образование они получили в мусульманских странах: Гаджи Мирза Саттар получил образование в Тебризе, а Машади Нурмамед изучил медицину, не выезжая из нашего города. Он прочитал пару-другую старых лечебников и набил руку на практике. Всё врачевание их заключалось в том, что они щупали у больного пульс и назначали хину или слабительные пилюли, которые тут же извлекали из кармана.

Почтовая марка, выпущенная в честь 100-летия Дж.Мамедгулузаде

Кроме них, в городе были ещё два русских врача. Называли их русскими врачами потому, что они получили образование в России или в каком-то европейском городе.

Обыватели были убеждены, что в медицинских науках русские врачи сильнее, чем мусульманские, и лучше умеют распознавать и лечить болезни. И потому их обычно приглашали к тяжелобольным. Этой возможности, конечно, были лишены бедняки, которые не могли позволить себе роскошь платить сорок копеек за извозчика, рубль за визит врачу, да ещё полтинник за лекарства в аптеке. И как бы тяжело не был болен неимущий человек, он обращался к Гаджи Мирзе Саттару, или Машади Нурмамеду, визит которых, считая и лекарства, обошёлся не дороже двадцати пяти-тридцати копеек.

Выходило так: если люди состоятельные приглашали к больному мусульманского врача, значит, болезнь не опасна. Если же вызывался русский, значит, больной в очень тяжёлом состоянии.

Спустя полчаса после того, как Гаджи Мирза Саттар, осмотрев больную, ушёл, к дому подъехал старый фаэтон, в котором сидели муж тётки Машади Зульфугар и какой-то русский в шляпе. Это был доктор. Тогда я сразу понял, что дела тётки плохи.

Стоя в сторонке, я наблюдал, как врач осматривал больную. Кончив свой осмотр, он что-то сказал дяде и пошёл к поджидавшему его фаэтону. Дядя подозвал меня, и, дав копейку, сказал:

– Беги живо на базар, купи льда и принеси домой! Только не задерживайся, милый, лёд нужен сейчас же... Беги как можно быстрее!

Потом, что-то шепнув моей матери и взяв два пустых пузырька, сел в фаэтон напротив врача. Уже отъехав, он высунулся из фаэтона и крикнул нам:

– Смотрите, не забудьте насчёт льда!..

Фаэтон скрылся, мать скинула чадру и напустилась на меня:

– Ну, чего ты стал? Сказано тебе, беги за льдом.

Оказалось, что русский врач велел положить больной на сердце лёд и держать его до тех пор, пока она не почувствует облегчения.

Я отправился на базар.

– Эй, Муса! – крикнула вдогонку мать. – Ради аллаха, поторапливайся и нигде не задерживайся! Скорее принеси лёд.

Говоря по совести, я не очень спешил, хотя и помнил, как тётка, взглянув на меня запавшими глазами, с трудом прошептала:

– Милый мой мальчик, сердце разорваться готово, принеси лёд поскорее!

Я зашагал к базару.

Когда я проходил мимо ворот дома Гаджи Байрама, во дворе залаяла собака. Вооружившись двумя увесистыми камнями, я благополучно миновал ворота. Собака не выскочила на улицу и продолжала лениво тявкать во дворе, не показываясь и Ширали. Перестав обращать внимание на собачий лай и вспомнив молящие глаза тётки, я почувствовал к ней жалость и ускорил шаги.

Придя на базар, я протянул продавцу льда Кербалайи Фараджу свою копейку.

Тот вытащил из накрытой листьями и соломой ямы большой кусок грязного льда, взвесил его на руке и, разломив надвое, бросил один кусок обратно в яму, а другой завернул в капустный лист и протянул мне.

Кусок был фунтов пять. Взяв его, я вышел из прохлады крытого бакалейного ряда на солнцепёк. Был разгар лета. Стояла невыносимая жара. Если бы полуденное солнце чудом сорвалось с неба, оно упало бы как раз мне на голову. Я изнывал от зноя. С лица крупными каплями струился пот, лёд в руке таял. Взяв чистый камень, я стал откалывать кусочки льда и глотать.

Когда я снова подошёл к воротам дома Гаджи Байрама, собака уже не лаяла. Ширали по-прежнему не было видно. У ворот я остановился, сам не знаю зачем. Улица была пуста. По-видимому, все спасались от страшной жары в тени.

Привычка – упорная вещь. Всегда случалось так, что у этих ворот мне попадался пёс, или же я встречал Ширали. Я бросал в собаку камни, ругался, а то и дрался с Ширали. А на этот раз я не знал, как быть.

Недолго думая, я поднял два круглых камня и, отойдя на несколько шагов от ворот поближе к своему дому, чтоб успеть, в случае чего, удрать, кинул камень в ворота Гаджи Байрама и отбежал.

Собака залаяла и нехотя вылезла из ворот, продолжая лаять лениво, точно по обязанности.

Я запустил в собаку второй камень.

Он пролетел над ней и с треском ударился в ворота. Пёс, видно, обозлившись, кинулся к камню, потом повернулся и побежал за мной. Я пустился наутёк. Обернувшись, я увидел Ширали, который бежал за собакой.

Не подумайте, что я хоть капельку боялся их. Ничуть не бывало!.. Я знал, что собака стара и беззуба, а что касается Ширали, я мог без труда с ним справиться.

Положив на землю уже порядком растаявший лёд и набрав камней, я стал швырять их в Ширали, который отвечал мне тем же. Собака бестолково бегала вокруг, бросаясь за камнями, которые кидал я, и не оказывала никакой помощи своему хозяину.

Швыряясь камнями, мы громко переругивались, вспоминая и мать, и сестру, и всю родню.

Наконец я выругал Ширали такими обидными словами, что он даже расплакался и вне себя от злости повторил ругательство. В это время в воротах показался его отец, Гаджи Байрам, вероятно, услышавший ругань. Он подозвал Ширали, взял его за ухо, отвёл домой, потом, вернувшись, крикнул мне:

– Ты чего, подлец, не идёшь своей дорогой?

Ничего не отвечая, я присел на землю у стены. У меня так пересохло в горле, что я готов был схватить лёд и сунуть его целиком в рот. А лёд всё продолжал таять. Наконец я не выдержал: отколов от него большой кусок, начал жадно сосать его.

Остался кусок не больше яблока. Я хотел опять положить его на землю, но тут вспомнил больную тётку и вскочил, чтобы бежать домой и донести хотя бы остаток льда.

В это время из ворот вышел Ширали и стал смотреть на меня. Я отвернулся и зашагал домой. Но Ширали кинул мне вслед такое оскорбление, что я не стерпел и остановился, чтобы ответить ему. Он крикнул:

– Ага, трусил, собака!..

Велик Аллах! Какие обидные слова! Я не отозвался бы ни на какое другое обидное слово и донёс бы злополучный кусок льда моей бедной тётке: все же я несколько побаивался мужа тётки, немного боялся матери и в известной степени жалел тётку... Но как было мне поступить? Ведь слова Ширали были слишком оскорбительны! Он не должен был произносить их.

Я обернулся и крикнул:

– Ах ты, сукин сын, не тебя ли я боюсь?

– Сам ты сукин сын и собачий сын!

Мы двинулись друг на друга. Я собирался снова положить лёд на землю, но, разжав пальцы, обнаружил, что вместо льда у меня на ладони лишь несколько капель холодной воды. Стало быть, лёд уже не было.

Я и Ширали сближались, обмениваясь самыми замысловатыми ругательствами. Сойдясь вплотную, мы схватились врукопашную.

Мы стали царапать и тузить друг друга и вошли в такой азарт, что не заметили, как вокруг нас собралась толпа. Я очутился в объятиях какого-то старика. Женщина в чадре и двое парней тащили Ширали к воротам.

Я силился вырваться из рук старика, чтобы снова вцепиться в противника, как вдруг сильный удар в спину заставил меня остановиться. Я оглянулся: то был мой дядя Машади Зульфугар. Он занёс кулак, чтобы вторично опустить его на мою спину, но я увернулся и бросился бежать домой. Машади Зульфугар не стал меня догонять. Видимо, он отправился на базар. Позже я узнал, что он пошёл за льдом.

От стыда я не смел показаться на глаза тётке. Мать напустилась на меня, крича ещё издали:

– Чтоб тебе сожгло нутро, как жжёт у бедной больной!

Тётка очень любила меня, и, оказывается, даже упрекнула мать за эти резкие слова:

– Шахрабану, заклинаю тебя Хазрат Аббасом, не проклинай мальчика, жалко его!

Через несколько дней тётка скончалась. Как и все племянники, у которых умирают тётки, в тот день я не очень плакал и не слишком горевал.

Но об одном я не мог забыть и, вероятно, никогда не забуду... про лёд.

В знойное лето, когда при нашем климате жажда мучает не только больных, но и самых здоровых людей, я всегда вспоминаю про лёд.

Когда в томительную жару вижу, как везут на повозках: прозрачные, холодные глыбы льда, мне вспоминается моя бедная тётка, и я говорю про себя: «Каким счастливец достанется этот лёд? Мороженое, холодный лимонад, замороженное шампанское, – кто-то будет ими наслаждаться? А моя бедная тётка за два дня до смерти, изнемогая от сжигающей её лихорадки, не могла дожидаться даже маленького кусочка льда, чтобы облегчить

страдания. А по чьей вине? Увы, по моей! Или, может быть, виноват не я, а кто-то другой? Но кто он, этот другой?»

Я не ищу ответа на эти вопросы и не выдвигаю никаких проблем детского воспитания...

Этих целей я не преследую.

Но в жаркие летние дни, видя нагруженные льдом повозки, я думаю о тех счастливых людях, жажду которых щедро утолит этот лёд.

И вспоминаю то далёкое время, когда я, четырнадцатилетний драчун, оставил безо льда умирающую тётку.

Тогда я был мал и не понимал всего этого.

А теперь эта история со льдом стала для меня самым горестным воспоминанием.

ПУСТОХЛЫСТ

В половине четвёртого пополудни я возвращался домой. Очень устал и был голоден. Я уже подходил к дому, когда мне навстречу шагнул какой-то человек, поздоровался и взял меня за правую руку.

– Дядя молла, наверно, не узнаешь меня?

И вправду я не узнал его. Стал всматриваться, не зная, что сказать.

– Ишь ты! Как это не узнаешь? Я же твой земляк. Разве ты не знаешь Гаджи Новруза агу? Так я племянник его, сын брата Гаджи Новруза аги. Своего земляка не узнаешь?

– Извини, – говорю, – ей-богу, не узнал.

– Как же? – продолжал незнакомец, повысив голос. – Ты не знаешь Гаджи Новруза агу из квартала Кала? Сам ты сколько раз бегал к нам в детстве. Мы же с тобой росли в одном квартале!

– Ей-богу, голубчик, не узнал сразу, – стал извиняться я. – Но раз ты говоришь, что мы росли в одном квартале, пусть будет так. Ладно. Милости прошу, зайдём к нам, будь гостем.

Однако мой новый земляк схватил меня за вторую руку.

– Нет, братец, я к вам не пойду. Сперва ты должен пожаловать к нам, а потом уж я к вам. Клянусь твоим здоровьем, иначе не пойду. До нашего дома рукой подать.

И он стал тянуть меня за обе руки.

– Спасибо, спасибо! – сказала я. – Премного благодарен, но сейчас я никак не могу, очень устал. Бог даст, в другое время обязательно приду.

Услышав эти слова, земляк мой заволновался:

– Клянусь твоей жизнью, не отпущу! Ты должен пойти к нам. Сейчас самовар дома кипит. Клянусь твоей жизнью, ты должен пойти со мной. И Гасым ага у нас, и Мирза Аббас у нас. Я оставил их дома и пришёл за тобой. Они очень хотят тебя видеть. Сказали, без моллы не возвращайся.

Я не знал, кто такой Гасым ага, не знал, что это за Мирза Аббас. Но если бы я заикнулся об этом, то мой друг принял бы тут же рассказывать длинные истории об их отцах и дядях. Кое-как я вырвал руки из рук моего земляка и юркнул в свой подъезд, только повернул голову и коротко извинился. Поднимаясь по лестнице, я слышал громкий голос моего приятеля, но слов не мог разобрать...

Поднялся к себе и сел обедать. Расставляя тарелки, маленькая моя дочка сказала, что кто-то приходил звать меня в гости. Я ничего не ответил (рот был занят). Ставя на стол солонку, дочка добавила:

– Приходивший говорил, что его зовут Гурбангулу бек и что он племянник Новруза аги. Говорил, что мулла Насреддин его земляк. Он поджидал тебя на улице. Вот и сейчас он прохаживается по мостовой...

Вечером, когда я пил чай, кто-то позвал меня с улицы. Я поднял голову, выглянул в окно и увидел Гурбангулу бека, который, вытянув шею и подбоченившись, не сводил глаз с нашего окна.

Я отозвался.

– Салам-алейкум, дядя молла! Пожалуй к нам на стаканчик чаю!..

– Бек, у нас чай уже на столе, – ответил я. – Пожалуй к нам ты сам! – и послал мальчика отпереть подъезд.

– Дядя молла, клянусь твоей дорогой жизнью, не приду! Пока ты первым не пожалуешь к нам, я к вам не приду.

Я повторил своё предложение, но по поведению моего новоявленного друга понял, что он ни за что к нам не зайдёт. Я надел шапку и спустился на улицу, но, как ни настаивал мой земляк, я не смог пойти к ним и извинился.

И всё-таки мой друг успел изрядно меня утомить, потому что в течение пяти минут выпалил, может быть, тысячу пятьсот слов. Начал он с того же, что он – сын брата Новруза аги, что дядю его назначили командиром конницы, а его самого губернатор взял к себе старшим секретарём, что старший брат его Халил ага стал начальником телеграфа, а младший, Мамедгасан бек, – офицером, что из Иравана приехал Машади Джафар и едет

в Москву, Машади Гурбанали приехал в Тифлис делать себе зубы, из квартала Сарванлар прибыло много паломников, едущих в Мешхед, заболел сын Гаджи Гасана аги Мохсин, и привезли его показать врачам, что между русскими и турками ведутся переговоры насчёт Карса, и отношения между ними стали натянутыми, что беглеца Пирверди приговорили к восьми годам Сибири, в Нахчыване немного подорожал сыр, и ещё много перечислил подобных новостей, перебирая по пальцам.

Я попрощался и хотел было удалиться, но Гурбангулу бек снова удержал меня за руку, однако я вырвал руку и спасся бегством.

Он что-то продолжал тараторить мне вслед, но я был уже далеко.

Под утро мне показалось во сне, что кто-то говорит:

– Дядю Новруза агу назначили командиром конницы, брат стал начальником телеграфа, Машади Гурбанали приехал вставлять себе зубы...

Открыл глаза, вижу – светает. Огляделся немного по сторонам и понял, что кто-то разговаривает на улице. Я тотчас узнал голос моего друга Гурбангулу бека и несколько удивился даже. В одной сорочке я подошёл к окну и увидел, как Гурбангулу бек, всё также подбоченившись, стоит посреди улицы и, поймав такого же, как и я, раба божьего, громко рассказывает:

– Отношения между русскими и турками испортились, беглецу Пирверди дали восемь лет Сибири, Мохсина, сына Гаджи Гасана аги, привезли показать врачам...

Я предупредил домашних, чтобы никто не подходил к окну, а если будут спрашивать меня, сказать, что ушёл в редакцию.

Я молча выпил стакан чаю, съел кусок хлеба и приготовился выйти из дому. Но как? Как мне выйти, чтобы этот злодей меня не заметил? Второго выхода в доме не было.

Мне помог Аллах, и каким-то образом мой земляк исчез с улицы. Я осторожно выбрался из дому на улицу и пошёл своей дорогой.

Прошёл день. Земляка своего я больше не видел на улице. Не знаю, то ли он был занят чем-нибудь, то ли уехал из города.

На третий день опять в три-четыре часа пополудни, голодный и усталый, шёл я домой и был немного задумчив, но о чём думал, не помню.

Только дошёл я до своей улицы, как сердце у меня ёкнуло: Гурбангулу бек по-прежнему, подбо-

ченившись, расхаживал посреди улицы и о чём-то переговаривался с прохожим по-русски.

Я думал было незаметно проскочить к себе, но не вышло: злодеев сын точно обладал нюхом охотничьей собаки. Ещё издали завидев меня, он прокричал:

– Салам-aleyкум, дядя молла! Давненько мы не виделись, братец! Кажется, ты совсем лишил нас своего расположения, не интересуешься тем, кто из наших краёв приехал, кто туда уехал. Дядя мой Новруз ага назначен командиром конницы, а сам я сейчас секретарём у губернатора. Халил ага стал начальником телеграфа, а из Иравана приехал Машади Джафар и едет в Москву. Машади Гурбанали приехал в Тифлис делать себе зубы. Много паломников прибыло из Сарванлара. Заболел сын Гаджи Гасана аги Мохсин, привезли его показать врачам. Отношения между русскими и турками расстроились... Беглеца Пирверди приговорили к восьми годам Сибири...

Я в самом деле был очень голоден и очень устал. Мне известно, что при всех, даже очень трудных обстоятельствах, человек должен проявлять терпение и ни в коем случае не нарушать правил вежливости и чуткого обращения. Всё это я знал и, зная это, всё-таки, ей-богу, не смог выдержать. Я молча вошёл в подъезд, поднялся к себе наверх и попросил подавать обед.

Я буду в ответе перед своей честью и совестью, если солгу: примерно полчаса длился мой обед и ещё полчаса я пил чай и разговаривал с детьми: и вот в продолжение этого времени друг мой Гурбангулу бек продолжал стоять, подбоченившись, на улице и, останавливая мирных прохожих, одному говорил, что дядю его Новруза агу назначили командиром конницы, другому сообщал, что Машади Гурбанали приехал в Тифлис заказывать себе зубы, а третьему – что его брат, Мамедгасан бек, произведён в офицеры...

* * *

Вчера встретился я в редакции с одним из моих земляков и вспомнил об этом происшествии.

– Поздравляю тебя, – сказал я ему. – Из нашего прекрасного края прибыл к нам ещё один земляк!

– Ты о ком говоришь? – спросил он.

– О Гурбангулу беке, племяннике Новруза аги.

В ответ на это мой земляк сказал всего одно только слово о Гурбангулу беке, и я никак не пойму, что за магическое это слово, что не могу забыть его. Он сказал:

– Пустохлыст!
 – Кого ты называешь пустохлыстом? – спросил я.
 – Пустохлыстом я называю того самого человека по имени Гурбангулу бек, который является племянником Новруза аги и детищем нашего прекрасного края.
 – Повтори-ка! – попросил я.
 – Пустохлыст! – повторил он.
 Никак не забуду...

Перевод Азиза Шарифа

Фельетон из журнала "Молла Насреддин" СТЕНА

Слава Аллаху, благодаря козням шайтана в Гяндже создалось такое положение, что мусульмане хотят бежать из города, куда глаза глядят. А всё дело в том, что доброжелатели донесли правительству, будто мусульмане горных деревень к югу от Гянджи запрятали много оружия и продовольствия, чтобы в случае войны передать все это оттоманским войскам. Прибывшие по этому доносу правительственные войска обшарили мусульманские деревни, перерыли даже кладбище, но ничего не обнаружили.

Слава, слава Аллаху!

Мы от всей души благодарим Аллаху за то, что на головы мусульман обрушиваются такие неприятности.

Сладкий сон имеет свои особенности: кто крепко спит, того словами не разбудишь. Другое дело, пнёшь раз – зашевелится, пнёшь ещё – откроет глаза, а после третьего пинка, глядишь, и на ноги встанет.

Если мы бросим взгляд на историю, то увидим, что пробуждение большинства народов земли происходило как раз по законам «пинка».

Возьмём, к примеру, рабов божьих китайцев.

Четыре тысячи лет наши китайские братья сладко спали.

В двести шестом году до нашей эры китайцы построили вокруг своей страны высокую и широкую стену, чтобы чужеземцы не смогли нарушить их сладкого сна, ибо они знали, что просыпающийся бык всегда наступает копытами на голову быку спящему.

И мы, мусульмане, построили вокруг себя стену, – мы считаем весь мир нечистым, а сами себе кажемся благоухающими цветочками и ни в коем случае не желаем перелезть через стену и посмо-

треть, что творится вокруг нас.

Но мы всегда забываем, что возведённая нами стена – это всего-навсего забор, и что чужеземцы, легко перешагнув через него, затопчут ногами спящих.

Так и китайская стена.

Построенную миллионами людей китайскую стену впервые перешагнул в тысяча двести восьмидесятом году нашей эры Чингиз хан, войска которого затоптали спящих китайцев.

Это был первый пинок, от которого зашевелились спящие.

Затем в тысяча шестьсот сорок четвёртом году маньчжурские племена вторглись в китайские земли и опять намяли бока китайцам.

После второго пинка китайцы открыли глаза.

Третьим пинком их угостили японцы, которые в тысяча восемьсот девяносто шестом году пошли на китайцев войной и смяли их.

И лишь после этого третьего пинка китайцы встали на ноги. Теперь же они, обратившись лицом к прогрессу, стали так быстро двигаться вперёд, что все европейские государства съежились от страха.

Именно поэтому мы от чистого сердца благодарим судьбу за доносы гянджинских шайтанов и за те беды, которые обрушились на наши головы благодаря этим доносам. Может быть, подобные пинки исцелят наши ослепшие глаза, откроют наши блаженно закрытые очи. Может быть, с лёгкой руки наших гянджинских недругов мы раскроем глаза и увидим, как в нашей стене расплодилось паразиты, порождённые плесенью и нечистью, и уже тысячелетия пьют нашу кровь; может быть, мы увидим, что в каждой деревне, в каждом городе объявился свой «пророк», сдирающий с нас кожу, может быть, мы увидим, как гахайские гаджи-шейх-мухаммеды, арешские самеды, шамахинские гамид-паши, курдамирские шейх-мустафы, уста-сулейманы, гянджинские сеиды, кубинские шейх-махмуды, «святые» пройдохи в Казахе, Шеки, Дагестане, именуя себя «шейхами», обчищают карманы наших мужчин, а наших молоденьких девушек берут себе в жёны и держат под замком.

Именно поэтому мы тысячу раз благодарим судьбу за те мучения, которые причинили мусульманам гянджинские шайтаны. Покуда глаза закрыты, ничего не увидишь. Но стоит им раскрыться, как можно увидеть очень и очень многое.

Перевод Чингиза Гусейнова